

¹ Сахалин. Южно-Сахалинск, 1976; Этнографические исследования Сахалинского областного краеведческого музея. Южно-Сахалинск, 1984; 1985; 1987; Материалы памятников к своду истории и культуры Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1983; Материалы к изучению истории и этнографии Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1986; и др.

² Айны. Южно-Сахалинск, 1988.

³ Штернберг Л. Я. Айнская проблема // Гиляки, гольцы, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

⁴ Козинцев А. Г. Краниоскопия и расовая классификация // Сов. этнография. 1987. № 2.

⁵ Каталог этнографических коллекций Б. О. Пилсудского в Сахалинском областном краеведческом музее. Южно-Сахалинск, 1988.

⁶ Материалы исследований Б. А. Жеребцова по этнографии айнов Южного Сахалина. Южно-Сахалинск, 1988.

⁷ Смоляк А. В. Традиционные календари коренных жителей Нижнего Амура // Новое в этнографии. Полевые исследования. Вып. 1. М., 1989.

⁸ Смоляк А. В. О взаимных культурных влияниях народов Сахалина и некоторые вопросы их этногенеза // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.

⁹ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина (этногенетический аспект). М., 1984. С. 146, 148, 149.

¹⁰ Смоляк А. В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1975. С. 29—32; 87; *ее же*. Айны Сахалина в XIX в. и их контакты с коренным населением материка // Proc. Internat. Sympos. B. Pilsudski's Phonographic Records and the Ainu Culture. Hokkaido Univ. Sapporo. 1985. P. 272—280.

© 1991 г.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЕВЕДЕНИЯ

Отражение этнических процессов в памятниках бытовой культуры. Сб. научных трудов. Л., 1984. 146 с.

Промыслы и ремесла народов СССР. Сб. научных трудов. Л., 1986. 179 с.

Субэтнос в СССР. Сб. научных трудов. Л., 1986. 172 с.

Проблемы комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Л., 1987. 164 с. 7 илл.

Религиоведческие исследования в этнографических музеях. Сб. научных трудов. Л., 1990. 158 с.

На протяжении последних лет заметно оживилась издательская деятельность Ленинградского государственного музея этнографии народов СССР, одного из старейших отечественных научных этнографических центров. Среди публикаций музея особый интерес представляет серия сборников научных трудов, начало которой было положено в 1984 г.

Сборники, о которых пойдет речь в нашем обзоре, содержат разнообразный, во многом впервые вводимый в литературу этнографический материал, как хранящийся в богатейших фондах музея, так и полученный в результате полевых исследований последних лет. Неудивительно, что рассматриваемые сборники несут на себе печать времени, когда многие, казалось бы, фундаментальные и привычные теоретические и методические положения стали переосмысливаться по-новому. В этом легко убедиться, например, обратившись к вводной статье первого сборника «Актуальные задачи деятельности ГМЭ народов СССР на современном этапе» в сопоставлении с обращением «От редколлегии» в последнем сборнике, датированном 1990 г. Статья, которой открывалась серия в 1984 г., достаточно характерна для доперестроечного периода, когда многие официальные постулаты и догмы произносили (и не могли не произносить) всю музейную и научную деятельность. В числе первоочередных, актуальных задач назывались, например, пропаганда успехов экономического, социального и культурного развития народов СССР в период зрелого или развитого социализма, «исследование путей сложения новой исторической общности — советский народ» и т. д. С историографической точки зрения все это, несомненно, представляет интерес. Хотя бы как одна из точек отсчета тех перемен, которые внесла перестройка во все сферы культурной и научной работы. Так, в уже упомянутом обращении «От редколлегии» можно прочесть: «Новый подход в обществоведческих исследованиях, в частности в исследованиях религии, позволяет объективно оценить ее общечеловеческую ценность, заключающуюся в том, что она является одним из важных механизмов межпоколенной передачи народной традиции, нравственных, этических и других норм, позволяющих различным народам, большим и малочисленным, сохранить свою этническую специфику, не оторваться от древних корней, что в конечном счете является гарантией здоровья любого общества»

и особенно важно для нашего общества на нынешнем переломном этапе его развития» (с. 3). Сопоставление программных установок создателей сборников 1984 и 1990 гг. как нельзя более убедительно отражает происходившие за этот период изменения в самом подходе к оценке и интерпретации этнографического материала. Но еще важнее подчеркнуть, что содержащиеся в пяти сборниках Музея этнографии народов СССР статьи в основе своей не утратили ни своей научной ценности, ни актуальности.

Вот, скажем, первый из упомянутых сборников. Конкретные статьи, следующие за вводной, посвящены жилищу чеченцев и казахов Южного Алтая, традиционной одежде азербайджанцев и туркмен, современной обрядности якутов и коряков, финно-угорской проблематике и ряду других не менее актуальных тем. Как правило, статьи базируются на коллекциях музея, что придает работам источниковедческую достоверность.

В еще большей мере это можно сказать о втором сборнике, целиком посвященном промыслам и ремеслам народов СССР. Весьма разнообразное содержание этого выпуска объединено статьями И. И. Барановой «Коллекции по ремеслам и промыслам и особенности их использования в этнографическом музее». В предисловии, в частности, подчеркнуто: «Предлагаемый сборник является опытом тематической публикации по ремеслам и промыслам различных регионов страны. Он практически полностью основан на коллекционных собраниях музея с привлечением архивных источников и полевых материалов авторов, вводит в научный оборот оригинальные, ранее не публиковавшиеся материалы» (с. 3).

Выводы и наблюдения большей части статей этого и других сборников музея тесно связаны с комплектованием и изучением собранных в его фондах коллекций. Это отличительная черта авторского подхода, которая позволяет рассматривать явления современности в рамках более широкой исторической ретроспективы. В статье «О сохранении и развитии народных традиций в современных промыслах Молдавии», помещенной во втором из рассматриваемых сборников, Н. М. Калашникова справедливо пишет: «Изучение народных промыслов на основе богатого художественного наследия — одна из самых актуальных задач современной этнографической науки в целом и музеев этнографического профиля в частности» (с. 56). Надо ли доказывать, что это утверждение сохраняет свое значение и в настоящее время?

Аналогичный подход использован и в композиции сборника «Субэтноты в СССР», который открывается статьями И. И. Шангиной «Комплектование коллекций по традиционной культуре локальных групп русских в Государственном музее этнографии народов СССР (1920-е годы)». Автор подчеркивает, что музейные коллекции, собирающиеся по этой теме более века, «дают возможность выявить специфические черты традиционной культуры локальных групп и проследить их изменения с конца XVIII в.» (с. 4). Рассмотрение вопроса именно в таком ракурсе позволяет не только раскрыть историческую изменчивость этнического процесса, но и поставить некоторые теоретические вопросы типологии этнических общностей, чему непосредственно посвящен ряд статей сборника (в том числе А. М. Решетова — с. 70—83).

Особо хотелось бы остановиться на четвертом сборнике — 1987 г., целиком посвященном вопросам комплектования, научного описания и атрибуции этнографических памятников. Сборник открывается статьями В. А. Дмитриева и Н. М. Калашниковой «О принципах комплектования этнографических экспонатов на современном этапе», в которой отмечена тенденция «к выделению этнографического музееведения в самостоятельную область знания с попыткой придания ей внутренней дифференциации» (с. 3). Авторы с полным основанием считают комплектование краеугольным камнем деятельности музея, отмечая в то же время специфику Музея этнографии народов СССР. Если говорить коротко, то для этого музея характерным «является сбор предметов, наделенных в первую очередь этнокультурной спецификой, в то время как вещи историко-бытового назначения, также собираемые музеем, носят вспомогательный характер и призваны служить экспозиционным фоном» (с. 3). Касаясь в связи с этим термина «этнографический экспонат», авторы рассматривают его как систему признаков, «которые характеризуют культуру этноса в сочетании ее оригинальных и специфически конкретных форм, скомплектованных для извлечения информации музейными средствами» (с. 4). При этом критерием комплектования становится «не только бытование предмета, а ситуация в культуре этноса и ее выражение в вещи либо в другом источнике при условии выявления этой информации» (с. 5). Поднимаемые авторами статьи вопросы имеют и чисто практическое (комплектование и использование фондов), и важное методико-теоретическое значение. Последнее напрямую сопряжено с дефиницией понятия «этнографический источник».

Нам уже приходилось неоднократно обращать внимание на то, что при массовом оперировании этим понятием сколько-нибудь четкое определение термина «этнографический источник», как ни странно, отсутствует. И это при том, что именно в этнографической науке давно утвердилось широкое и комплексное понимание источника, что в качестве такового этнографы рассматривают материалы изобразительного искусства, художественной литературы, нумизматики, а также антропологии и ряда других дисциплин. Исходя из этого, нам представляется целесообразным преодолеть своего рода «ведомственную» разобщенность наук, занимающихся культурной проблематикой, в целях создания на междисциплинарной основе методики этнокультурного источниковедения. В таком случае этнографический источник можно было бы определить как любое свидетельство, которое независимо от характера и способа фиксации заключает в себе необходимую этническую информацию.

Понятно, что в указанном смысле «этнографический источник» окажется шире традиционного понятия «этнографический предмет», хотя сопряженность между тем и другим очевидна. Поэтому несомненный интерес представляют размышления А. В. Коновалова и Е. Я. Тимофеевой и статья «Понятие „этнографический предмет“». Здесь отмечается важность четкости определения в практике

музейной работы: «Ведь именно уточнение того, какой предмет можно рассматривать как этнографический, будет способствовать разработке критериев включения вещей в музейное собрание» (с. 16). Авторы статьи исходят из того, что «этнографическим предметом является такой материальный предмет, который содержит информацию об этнических проявлениях традиционно-бытовой культуры» (с. 17). Вывод, казалось бы, чрезвычайно близкий тому, о котором мы говорили выше. Тем не менее возникает ряд вопросов, нуждающихся в дополнительном обсуждении.

Первый из них отчасти связан с условностью ставшего привычным деления культуры на материальную и духовную. При всей кажущейся ясности такого деления, оно, как нам тоже неоднократно доводилось повторять, в действительности не расширяет, а сужает исследовательские возможности, проводя некую пограничную линию между явлениями культуры, в действительности едва ли разделимыми столь четко. Например, народная одежда, привычно относимая к области материальной культуры, фактически является одним из важнейших источников духовной культуры. Неразрывным синтезом материального и духовного является жилище, этносемиотическое изучение которого в последние десятилетия стало реальным фактом науки. Поэтому, сохраняя историографическую преемственность, целесообразнее трактовать культуру, в том числе и народную, как органическое целое, выделяя в ней материальные и духовные формы внешнего проявления. Отсюда можно усомниться в том, правомерно ли трактовать «этнографический предмет» лишь как явление материального, вещного свойства, а равно отождествлять термины «этнографический предмет» и «этнографический экспонат»? Основательность наших сомнений подтверждается практикой современного музееведения, в том числе и самого Музея этнографии народов СССР, когда в контекст экспозиций вводятся фонограммы или живое исполнение народной музыки, демонстрация национальных обычаев и другие, так сказать, «нематериальные» явления.

Не меньше трудностей, в том числе для экспозиционной работы, возникает и при использовании явлений современной городской культуры, отражающей индустриально-урбанизационные процессы и, казалось бы, лишенной этнической специфики («этнической метки»). Едва ли здесь возможен однозначный ответ, хотя некоторые предварительные суждения и могут быть высказаны. Думается, поиск должен вестись не по линии селекции традиционного и современного, а по линии функционирования того и другого в соответствующей этнокультурной среде. Мы не говорим уже о все чаще встречающихся попытках сочетания в одежде, в украшении жилища, в художественной культуре элементов традиционного и современного, народного и профессионального, как и о стремлении к массовому воспроизведению того, что по природе своей может существовать лишь как индивидуальное. Но если это явление — всего лишь суррогат, то возникновение суррата не менее показательно для понимания этнокультурных процессов, происходящих в настоящее время.

Ряд вопросов, которым специально посвящен четвертый сборник, получил дальнейшее развитие в сборнике 1990 г., в частности в разделе «Проблемы научного описания и интерпретации культурных памятников». Обратившись к анализу полифункциональности ритуальных символов на материале белорусских «писанок», О. В. Лысенко выдвигает положение, что «при этнографическом описании предмета актуальным оказывается выделение структуры его функций» (с. 17). Автор исходит из того, что в реальности существует не «этнографический предмет», а его этнографическое описание, где структурообразующими выступают признаки, несущие информацию о породившей такой предмет этнической культуре. Развивая эти интересные соображения, автор подчеркивает исключительную важность в полевой работе выяснения реальных функций вещей. Эти установки и иллюстрируются на примере раскрашенных пасхальных яиц из белорусской коллекции Музея этнографии народов СССР.

Как можно заключить из сказанного, тесная связь статей всех пяти сборников с фондами музея позволяет успешно ставить и решать многие теоретические и прикладные вопросы этнографического музееведения. В связи с этим нельзя не отметить, что органическим дополнением содержания сборников являются статьи по истории самого музея, истоки которого восходят к материалам Всероссийской этнографической выставки 1867 г. Рубрика «Из истории музея» появилась во втором сборнике (1986 г.) — она включала статью И. И. Шангиной «Д. А. Золотарев и его деятельность в Этнографическом музее» (с. 170—177). И хотя в последующих выпусках такая рубрика, к сожалению, отсутствует, тех или иных аспектов истории Музея этнографии народов СССР касались многие авторы во всех пяти сборниках. Думается, это не случайно: ни о каком полноценном изучении этнографии современности без исторической этнографии не может быть речи.

В этом смысле издание музеем сборников научных трудов (а к ним по сути дела примыкают и выпускаемые музеем методические материалы и каталоги выставок и частей фонда) оказывается не только плодотворной в научном отношении, но и весьма поучительной инициативой. Мы в самом начале обзора указывали на то, что при всех изменениях, происходивших на протяжении последних лет в понимании целей и задач музейного дела и в трактовке ряда теоретических положений этнографической науки, содержание сборников сохраняет свою познавательную ценность. В чем же секрет этого? Полагаю, что ответ на поставленный вопрос ясен — авторы опирались на твердую почву фактов независимо от того, станем ли мы именовать их «этнографическими предметами», «этнографическими экспонатами» или как-то еще. И завершая наш краткий обзор, хотелось бы выразить уверенность, что Музей этнографии народов СССР, продолжая выпуск новых сборников своих трудов, и дальше будет идти тем единственно верным и с научной точки зрения проверенным путем, который был им начат в хронологически близком, но столь уже далеком 1984 г.

А. С. Мыльников